

MILHIST

INFO

ББК 63.3(2)46
УДК 94(47).046

Куц О.Ю. Отказ казачьего Дона от присяги в 1632 г.: особенности делопроизводственной документации

Аннотация: в статье рассматриваются содержание и особенности приказного дела, отражающего попытку московского правительства в 1632 г. привести донских казаков к присяге царю Михаилу Федоровичу. Показан контекст московско-донских отношений этого времени, отмечено влияние фактора приближающейся Смоленской войны на снятие с казаков государственной опалы, наложенной на казачий Дон после убийства в донском войсковом кругу воеводы И.К. Карамышева.

Ключевые слова: XVIIв., казаки, Дон, Москва, Михаил Федорович, патриарх Филарет, крестное целование.

Автор: Куц Олег Юрьевич. В 1993 г. закончил факультет социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. В 1994-1999 гг. учился в аспирантуре Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской Академии наук. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Донское казачество от взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667)». Автор ряда научных публикаций по истории донского казачества преимущественно второй трети XVII в. Область научных интересов: политическая и военная история донских казаков XVI–XVII вв. okouts@mail.ru

Литература, использованная в статье:

Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. — М., 2006.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. — М., 1975.

Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. — Воронеж, 1961.

Королев В.Н. Донские казачьи городки. — Новочеркасск, 2011.

Куц О.Ю. Московско-донские отношения 1631-1632 гг. и приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова // Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. — М., 2016.

Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. — М., 2014.

Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667). — СПб., 2009.

Ссылка для размещения в Интернете:

<http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts>

Ссылка для печатных изданий:

Куц О.Ю. Отказ казачьего Дона от присяги в 1632 г.: особенности делопроизводственной документации [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. — 2017. — Т. IX. — С. 177-190. <<http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts>> (07.06.2017).

Kutz O. Rejection of the Don Cossacks to swear allegiance to Muscovy Tsar: some aspects of administrative documentation

Summary: the article analyzes system of the early Muscovy administrative bureaus (prikazy), which tried, in 1632, compelling the Don Cossacks to officially swear the oath of allegiance to first Russian Tsar Mikhail Romanov (1613-45). The author explains the Muscovy-Don Cossacks relations; further, he argues that fear of the upcoming Smolensk War – and necessity to have more troops – served as an important factor to grant Cossacks some leniency, especially after they murdered the Russian war-lord (voevoda), Ivan Karamishev who was sent in for negotiations.

Keywords: seventeenth century; the Don; the Muscovy; Tsar Mikhail Romanov; Patriarch Philaret of Moscow; “cross-kissing”.

Author: Oleg Kutz, Ph.D., has graduated from the Institute of Russian History at the Russian Academy of Science, St.-Petersburg (2000). He specializes in the social, political and military history of the Don Cossacks in the second part of seventeenth century. okouts@mail.ru

References:

Bogojavlenskij S.K. Moskovskij prikaznyj apparat i deloproizvodstvo XVI-XVII vekov [Moscow clerk office and clerical work of the XVI-XVII centuries]. — M., 2006.

Veselovskij S.B. D'jaki i pod'jachie XV-XVII vv. [Clerks and scribes of XV-XVII centuries] — M., 1975.

Zagorovskij V.P. Donskoe kazachestvo i razmery donskih otpuskov v XVII veke [The Don Cossacks and sizes of vacations in the XVII century] // Iz istorii Voronezhskogo kraja. — Voronezh, 1961.

Korolev V.N. Donskie kazach'i gorodki [Don Cossack towns]. — Novocherkassk, 2011.

Kuc O.Ju. Moskovsko-donskie otnoshenija 1631-1632 gg. i prikaznoe vedomstvo bojarina S. V. Golovina i d'jaka M. Danilova [Moscow - the Don relationship 1631-1632] // Grani russkogo Srednevekov'ja. Sb. statej k 90-letiju Jurija Georgievicha Alekseeva. — M., 2016.

Kuc O.Ju. Donskoe kazachestvo vremeni Azovskoj jepopei i 40-h gg. XVII v.: politicheskaja i voennaja istorija [The Don Cossacks of Azov time and 40-ies XVII century]. — M., 2014.

Kuc O.Ju. Donskoe kazachestvo v period ot vzjatija Azova do vystuplenija S. Razina (1637-1667) [Don Cossacks in the period from the taking of Azov to the occurrence of Stepan Razin (1637-1667)]. — SPb., 2009.

Internet link:

<http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts>

Reference link:

Kutz O. Rejection of the Don Cossacks to swear allegiance to Muscovy Tsar: some aspects of administrative documentation [Electronic issue] // History of military art: researches and sources. — 2017. — Vol. IX. — P. 177-190. <<http://www.milhist.info/2017/06/07/kouts>> (07.06.2017).

ОТКАЗ КАЗАЧЬЕГО ДОНА ОТ ПРИСЯГИ В 1632 Г.: ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ

Среди обширных материалов приказного делопроизводства, возникших в ходе достаточно регулярных взаимоотношений в XVII в. Москвы и казачьего Дона, выделяется дело об отправке на Дон в 1632 г. кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова¹. Этот документальный комплекс возник вследствие прибытия в Москву двух донских атаманов с войсковой отпиской и просьбой снять с казачьего Дона государеву опалу, наложенную на казаков после убийства ими в 1630 г. государева воеводы Ивана Карамышева². В основе конфликта лежали «самовольные» походы казаков на море против Крыма и Турции, категорически запрещенные им Москвой. Следствием опалы стало прекращение всяких отношений с Доном со стороны Москвы, область донских казачьих городков была подвергнута экономической блокаде.

Восстановление отношений происходит в канун Смоленской войны 1632–1634 гг., подготовка к которой явилась, как представляется, одним из важных факторов преодоления московско-казачьего конфликта. Вели дело о прощении донских казаков боярин С. В. Головин и дьяк М. Данилов. Данной тематике уже была посвящена наша статья³, в которой ставилась цель в общих чертах отразить имеющуюся в указанном деле информацию об этом ключевом моменте во взаимоотношениях Москвы и казачьего Дона. В частности, была очерчена роль, которую сыграло в урегулировании московско-казачьего конфликта приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова, приводились сведения об иных делах, которыми оно занималось на тот момент.

Напомним, что боярин С. В. Головин в начале 1630-х гг. являлся судьей одновременно Московского судного приказа и Приказа Новой чети, входил в ближайшее окружение отца царя патриарха Филарета. М. Данилов – дьяк Разрядного приказа – в скором времени (1635 г.) был пожалован в думные дьяки⁴. Таким образом, в лице С. В. Головина и М. Данилова перед нами,

похоже, один из временных (сыскных) приказов, в которые при царе Михаиле Федоровиче переносились из основных приказов дела, по каким-либо причинам требовавшие особого рассмотрения. В настоящей работе предполагается более подробно, нежели в прежней статье, рассмотреть содержание и особенности данного приказного дела.

Комплекс документов об отправке в 1632 г. на Дон кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова по своему составу внешне похож на типичное «донское дело», связанное с прибытием от донских казаков в Москву казачьей станицы и ответными мероприятиями московского правительства по вопросам, касающимся взаимоотношений с донскими казаками⁵. Материалы дела состоят из казачьих войсковых отписок (от 14 ноября 1631 г., а также 26 и 28 мая 1632 г.⁶); расспросных речей прибывших с Дона казачьих посланцев; приказных документов о назначении последним жалования; документации, связанной с отправлением на Дон с государевой грамотой кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова, включая отписки в этой связи воевод с мест, а также государевых грамот донским казакам. Кроме того, в состав дела входят отписки с пути на Дон и обратно кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова. В связи с тем обстоятельством, что донским казакам было указано идти на государеву службу под Смоленск, в дело входит также переписка Москвы с воеводой г. Воронежа, вызванная прибытием сюда в июне 1632 г. двух казачьих отрядов общим числом в 400 человек; данная переписка и завершает рассматриваемый документальный комплекс. Следует также упомянуть о том, что ближе к концу дела края листов сильно попорчены тлением, а последние примерно 55 листов представляют собой разрозненные отрывки.

Сразу скажем о неординарности для первой половины XVII в. миссии на Дону кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова, которая состояла в приведении казачьего Войска к крестному целованию касательно пребывания донских казаков «в ево царском повеленье послушным навеки неотступно». Иными словами, казаки должны были принести присягу по соответствующей «целовальной записи» в том, что они будут в дальнейшем неукоснительно

исполнять государевы указы, которые поступят на Дон⁷. Помимо общих положений о верности российскому монарху, имелись в этой записи также слова о том, что казакам «самоволством без государсково указу з Дону на море под турсково (султана. – О. К.) города не ходити, и караблей и катарг не громить, и городов и сел турсково (султана. – О. К.) не воевати и не имать, и на крымские улусы не ходити и не воевать»⁸. Подобной присягой, таким образом, традиционная казачья самостоятельность была бы резко ограничена, а казачьи действия, связанные с их традиционным «промыслом» – походами за добычей на турок и татар, могли рассматриваться московским правительством как нарушение присяги великому государю.

Как и во многих «донских делах», открывает рассматриваемый документальный комплекс войсковая отписка с Дона, которая была доставлена в Москву донскими атаманами Б. Конинским и Т. Яковлевым (Лебяжьей Шеей)⁹ 19 декабря 1631 г. В документе говорится, что после прибытия из Стамбула в Азов русских послов А. П. Совина и дьяка М. Алфимова казаки по традиции заключили мир с азовцами, тем самым обеспечив беспрепятственную передачу посольства государеву воеводе кн. И. М. Барятинскому, который был прислан с этой целью в низовье Дона с ратными людьми. Далее казаки пишут, что по отношению к русскому великому государю у них «никакие измены и умышленья» нет, и впредь все они государю «головами своими готовы служить и умирать». Заканчивается документ следующим обращением донских казаков к российскому монарху: «Ты, государь <...> волен за наши вины в головах наших!»¹⁰

Необходимо отметить, что, несмотря на структурное сходство с обычными «донскими делами», данное приказное дело имеет ряд особенностей, резко отличающих его от таковых. Так, если обычно расспрос доставивших войсковую отписку представителей Дона производился в день ее подачи, то на этот раз он состоялся лишь на шестой день после приезда казачьих посланцев – 24 декабря (как уже сказано, отписка была подана 19 декабря). При этом в рассматриваемом деле перед расспросными речами видим помету, что великий

государь и его отец, святейший патриарх Филарет Никитич, «слушав сее отписки», указали боярину С. В. Головину и дьяку М. Данилову расспросить Б. Конинского и Т. Яковлева об обстоятельствах убийства на Дону воеводы И. Карамышева, а также узнать, есть ли у них относительно просьбы о прощении казачьих «вин» войсковая челобитная¹¹. Сам вопрос о прощении донских казаков был отнесен, по-видимому, к делам особой важности и выведен из компетенции Посольского приказа, в который первоначально явились и где подали войсковую отписку атаманы Б. Конинский и Т. Яковлев. Последнее видно из того, что, согласно имеющейся в указанном деле помете, именно через Посольский приказ этим атаманам было произведено назначение «поденного корма» по 1-е февраля¹², тогда как в дальнейшем все связанные с ними дела и вопросы решались исключительно через боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова.

В ходе первого и наиболее ответственного приема казачьих посланцев боярин С. В. Головин и дьяк М. Данилов спрашивали их, «какими обычаями (зачем. – О. К.) <...> и по чьему заводу» казаками на Дону был убит И. Карамышев, а также почему казаки не исполняют государева запрета в отношении походов на море. Донским атаманам также было сообщено: поскольку казаки ныне у государя и государя патриарха «просят <...> милости о своих винах», то для того, чтобы они были впредь «во всем их государском повелении», казакам «опричь крестного целованья верить нечему»¹³.

Б. Конинский и Т. Яковлев, упомянув в своем ответе, что войсковой челобитной у них нет, поскольку казакам «такое дело не за обычей, и старых у них атаманов, кому такое великое дело за обычей, нет», основную вину за убийство воеводы свалили на умершего к тому моменту войскового атамана Волокиту Фролова. При этом они поясняли, что инцидент случился «безо всего их войскового совету», так как «лутчие де атаманы и казаки в те поры были в походе на море», причем последние после своего возвращения с моря хотели даже убить В. Фролова за то, что он «от государские милости всех их отлучил»¹⁴. Касательно морских походов атаманы Б. Конинский и Т. Яковлев

пояснили, что «на море они (казаки. – О. К.) ходят для добыч». В отношении же «крестного целования» они заявили, что если государь Михаил Федорович и государь патриарх «донских атаманов и казаков пожалуют, вины им отдадут и своим государским жаловальным словом» велят на Дон отписать, то «русские де люди, которые ныне на Дону – опричь татар и черкас», государю «крест целовать ради» (рады), «что им <...> служить и не изменить, и быть под государевою рукою послушным»¹⁵.

Подчеркнем, что из слов Б. Конинского и Т. Яковлева, помимо прочего, хорошо видно также следующее: основное население Дона на тот момент времени составляли представители трех главных этнических групп – казаки из «русских людей», татары, запорожские казаки. Поскольку о присяге «донских татар» речь не зашла, а запорожские казаки, как это видно из событий 1637 г., находились в достаточно жестком организационном подчинении у первых¹⁶, слова донских посланцев вполне определенно показывают, что именно русские, а не иные этнические группы обладали наибольшим весом среди населения Дона и определяли курс донской политики.

Относительно указа не ходить на море донские посланцы отвечали, что казаки в случае присылки к ним государева жалования «на море ходить не учнут». Был, по-видимому, задан и вопрос о том, пойдут ли казаки с Дона на государеву службу против польского короля, поскольку Б. Конинский и Т. Яковлев показывали также в расспросе, что на польских и литовских людей казаки «своими головами итти готовы»¹⁷.

Таким образом, на все вопросы боярином С. В. Головиным и дьяком М. Даниловым от донских посланцев был получен удовлетворительный ответ. 27 декабря царь Михаил Федорович и патриарх Филарет, выслушав запись расспросных речей Б. Конинского и Т. Яковлева, изъявили согласие «пожаловать» донских казаков – «отдать им вины» при условии целования креста «атаманами и казаками и всем Войском» по «целовальной записи» в том, что казакам «быти в их государском повеленье навеки неотступно», и на море, а также под крымские улусы не ходить. После этого планировалось ежегодно

присылать на Дон государево жалование, а патриарх должен был дать казакам свое святительское благословение; атаманам Б. Конинскому и Т. Яковлеву было велено целовать крест по той же «записи» непосредственно в Москве¹⁸. Когда государево решение С. В. Головиным и М. Даниловым было сообщено Б. Конинскому и Т. Яковлеву, те, согласно приказной помете, «обрадовались» и «на государском жаловальном слове били челом». Они также показали, что «атаманы и казаки все их государской милости обрадуютца» и крест целовать, по мнению Б. Конинского и Т. Яковлева, будут¹⁹.

8 января, после объявления окончательного государева решения казаков Дона простить, а убийство воеводы И. Карамышева «положить <...> на волю Божью», донские посланцы были приведены С. В. Головиным и дьяком М. Даниловым к крестному целованию. Затем казачьи атаманы, в соответствии со своим челобитьем об этом, видели «государские очи» и были у государя «у руки», а у патриарха Филарета – у благословения. И лишь после этого был дан ход поданной Б. Конинским и Т. Яковлевым челобитной о даче государева жалования «на приезде», которое до сих пор еще не было им назначено²⁰. Атаманы также просили отправить из Москвы на Дон грамоту с «государевым жаловальным словом» с целью сообщить казакам на Дону о «государской милости». Одновременно последовало распоряжение освободить сосланных в 1630 г. «по городом в тюрьмы» донских казаков из состава станицы атамана Наума Васильева, а также выплатить им по рублю жалования и назначить кормовые деньги. Возвращение этих казаков на Дон планировалось сразу после того, «как на Дону атаманы и казаки и все Войско государю крест поцелуют»²¹.

Следует сказать, что еще одно отличие данного архивного дела от иных состоит в том, что в нем очень мало обыденной приказной документации вроде той же отсутствующей в деле челобитной Б. Конинского и Т. Яковлева о назначении им жалования, или же отсутствие черновика «памяти» в Посольский приказ о выписке «на пример» по этому поводу (ответная память из Посольского приказа в деле есть). В обычных «донских делах» подобные документы чаще всего имеются; достаточно часто встречаются в деле и иные

случаи отсутствия такого рода документации. Эти лакуны в составе рассматриваемого приказного дела, думается, не случайны – текущие документы достаточно часто заменены здесь приказными пометами, фиксирующими ход правительственных контактов в Москве с указанными донскими атаманами, тогда как в обычных делах о приездах в Москву казачьих станиц такие пометы, как правило, встречаются редко. Подобная особенность дела о посылке на Дон кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова позволяет, по-видимому, сделать вывод о том, что данный комплекс документов был оформлен в качестве достаточно белой архивной справки на будущее касательно хода процедуры снятия с казаков Дона государевой опалы.

Боярин С. В. Головин и дьяк М. Данилов в 1632 г. продолжали и далее курировать дела, связанные с Доном. В частности, именно им гонцы из Воронежа должны были подавать отписки от воеводы этого города, касавшиеся дел, связанных как с отправкой на Дон государевой грамоты с «жаловальным словом» от 2 февраля 1632 г., так и поездкой к казакам кн. И. А. Дашкова и подьячего Л. Полуехтова с сопровождающими их ратными людьми²². Согласно имеющейся в деле приказной помете, царские посланцы были отправлены из Москвы по зимнему пути 25 февраля и прибыли в Воронеж 21 марта, получив в результате выговор за «мешкотное» следование в этот город. В частности, как говорилось в присланной к ним из столицы государевой грамоте, из-за их несвоевременного прибытия на Дон казаки могли «розъехаться на море» и в «ыматье добычи», тем самым учинив «ссору» с турецким султаном²³.

23 марта кн. И. А. Дашков и подьячий Л. Полуехтов, согласно их позднейшей отписке в Москву, с сопровождавшими их на Дон 50-ю воронежскими казаками и стрельцами выехали зимним же путем из Воронежа. 1 мая они прибыли в расположенный выше Нижних Раздоров казачий Бабий городок, а 8 мая находились уже на Монастырском острове. Речь, судя по всему, идет о прибытии царских посланцев к казачьему центру под названием Монастырский Яр, иначе – к Монастырскому городку, в котором по весне собирались («съезжались») казаки из прочих донских городков; в одном из

документов за 1628 г. казачий центр был означен как «съезжий Яр»²⁴. Того же 8 мая кн. И. А. Дашков и подьячий Л. Полуехтов в соответствии с полученным в Москве наказом произнесли речь в войсковом кругу и передали казакам государеву грамоту, после чего, согласно их отписке, казачье Войско, «обрадуячися к себе <...> жаловальному слову» государя и «прощенью и благословенью» московского патриарха, в войсковой часовне «[ве]лели петь молебны з звоном». С целью общего совета решение вопроса о крестоцеловании было отложено казаками на 17 мая, когда у них было «срочено из всех городков и с Еика съехатца на Монастырский остров». Однако вызванным в этот день в войсковой круг И. А. Дашкову и подьячему Л. Полуехтову казаки «в государьском крестном целованье» отказали под тем предлогом, что «как де Дон и зачался, и на Дону атаманы и казаки и все Войско и при прежних государех» служили «без крестного целованья верою и правдою <...>, не щедя голов своих», и ныне казаки прежнего обычая нарушить не могут²⁵.

В качестве оправдания казаки приводили также и тот факт, что на Дону живут люди из «многих земель», «а которые руские люди – и те живут з бусурманками, а иные прижиты от бусурманок»²⁶. Касательно Б. Конинского и Т. Яковлева на Дону заявили, что им велели бить челом о казачьих винах, а «о крестном целованье бити челом не приказывали» – то их посланцы «затеяли безо всего войскового совету». Тем не менее, одновременно казаки заявили, что служить государю и его отцу они готовы, как и умереть за них рады без измены, на государеву же службу против польского короля пойдут и без крестного целования²⁷. Примерно то же казаки писали в Москву и в войсковой отписке, которая была отправлена со станицей атамана Максима Наумова²⁸. Впрочем, как продолжали в своей отписке на имя царя и патриарха кн. И. А. Дашков и подьячий Л. Полуехтов, «на море и под турецкие города и села, и под крымские улусы они (казаки. – О. К.) нынешняго <...> году не хаживали и с Азовом мирны с тех мест, как пришли в Азов ваши государевы послы Ондрей Савин, да дьяк Михайло Олфимов, и по наш, холопей ваших, на Дон приезд»²⁹.

На неоднократные упреки кн. И. А. Дашкова в неисполнении государева указа касательно принесения присяги, согласно отписке царских посланцев, «атаманы и [казаки] и все Войско укреплялися [меж] себя по многие круги по своему донскому обычаю», в результате при этих царских посланцах «учинив меж себя приговор, что им з Дону до <...> государьского указу с Азовом не розмириватца, и на Черное море и под турецкие города [и] села, и под крымские улусы, и на [Во]лгу, и на Еик не ходить» под угрозой смертной казни для нарушителей данного постановления. При этом казаки написали в Азов, чтобы там «береглися» тех донских казаков, которых в прошлом году морем занесло в Запорожье, и которые, возможно, «из Запорог нынешняго лета выдут на море», так как сухим путем оттуда на Дон вернулись не все из них³⁰. Таким образом, Москве удалось добиться от казаков всего, чего от них требовали, за исключением одного – присяги о том, что казаки будут соблюдать все данные требования «до живота своего», то есть до конца жизни присягнувших.

К характеристике московской дипломатии того времени интересно добавить также такой штрих. В государевой грамоте от 22 февраля 1632 г., отправленной на Дон из Москвы с кн. И. А. Дашковым и подьячим Л. Полуехтовым, изначально была следующая концовка: «А будет вы, атаманы и казаки <...> нам, великому государю, и нашего царского величества сыну, царевичю князю Алексею Михайловичю по записи креста целовати не учнете, и на нашего недруга, на польсково и на литовского короля не пойдете, и на море учнете ходити, и города и села турсково царя учнете воевати, и карабли и каторги громити, и на крымские улусы ходити, и на Волгу, и под Астарахань, и на Хвалимское море ходити <...>, и вам, атаманом и казаком от нас, великого государя, быти в великой казни и разоренье безо всякие пощады. А от отца нашего <...> (быть. – О. К.) в ево государском святительском в запрещенье и в проклятье». Однако затем эти слова из итогового текста грамоты были убраны³¹, что, на наш взгляд, показывает как определенную политическую гибкость, так и безусловную заинтересованность московского правительства в урегулировании конфликта с казаками. Сколь серьезно в Москве относились к

вопросу о нормализации отношений с казачьим Доном, видно также из того, что редакционная правка грамот этого времени на Дон велась, как правило, в несколько приемов, в том числе неоднократно – поверх уже правленного текста³². В связи со сказанным не является, думается, случайным, что отказ казаков целовать крест в итоге не был расценен в Москве как фактор продолжения конфликта – вопрос о снятии с донского казачества государевой опалы здесь сочли, по-видимому, уже решенным³³, что хорошо видно из документации, связанной с приездом в Москву с Дона станицы атамана Максима Наумова.

Донские станичники во главе с Максимом Наумовым прибыли в Москву 10 июня. В отличие от поданной ими и уже упоминавшейся выше войсковой отписки от конца мая 1632 г., их расспросных речей в деле нет – согласно имеющейся в деле помете, таковые находились у патриарха Филарета. 12 июня С. В. Головин и дьяк М. Данилов сообщили казакам, что «только б донские атаманы и каза[ки] государю крест поцеловали, и к ним бы государское жалованье – деньги, и хлебные запасы, и вино, и зелье, и селитру, и свинец учали присылать ежелет», теперь же им «государево жалованье будет по их государскому рассмотренью <...>, смотря по их службе»³⁴. Правда, уже 20 июня в ответ на поданную станичниками войсковую челобитную о том, чтобы сосланных по городам донских казаков, освободив, «поставить на Москве и им <...> указ учинить», последовало решение таковых «взять к Москве» с целью последующего отпуска на Дон³⁵, тогда как раньше это предполагалось сделать только после принесения казачьим Войском присяги. О том же говорилось и в государевой грамоте Войску от 3 июля 1632 г., которая была отправлена на Дон со станицей Максима Наумова. И хотя в грамоте имел место укор казакам за отказ принести присягу государю, выражен он был, однако, крайне мягко³⁶. Одновременно казакам сообщалось об отправке на Дон государева жалования³⁷, которое в этом году все-таки было им выслано. Оно составило 2000 рублей, 260 четвертей хлеба, 100 ведер вина, а также 60 пудов пороха и 30 пудов свинца.

Важно отметить, что таковое (за исключением 1628 г.) не выплачивалось казакам с 1625 г.³⁸

В июне 1632 г. на государеву службу в Воронеж вышло 250 конных донских казаков во главе с атаманами Ларионом Анисимовым и Фирсом Федоровым и 150 казаков судами по Дону – последних возглавлял атаман Максим Слепой³⁹, которые приняли затем участие в Смоленской войне. Как уже сказано, завершается рассматриваемое дело документацией, связанной с выплатой этим казакам кормовых денег на время их следования к Москве от Воронежа. Хотя концовка дела сохранилась очень плохо – фактически она представляет собой разрозненные листы и обрывки документов, однако данное обстоятельство не мешает констатации того факта, что в дальнейшем дела, связанные со взаимоотношениями Москвы и казачьего Дона, по-прежнему велись Посольским приказом, отложившись затем в своем подавляющем большинстве в фондах 89 («Сношения России с Турцией») и 111 («Донские дела») Российского государственного архива древних актов. Необходимо также сказать, что в дальнейшем (за исключением 1636 г.) государево жалование отправлялось к казакам уже ежегодно: вскоре после начала Смоленской войны на южнорусских границах резко усиливается противостояние с татарами, в котором казачество Дона на стороне Москвы приняло самое деятельное участие.

¹ Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 191-535.

Указанное приказное дело в виде обширных выдержек из него опубликовано в издании: Служба донских казаков, XVII век // Материалы по истории и генеалогии казачества. — Волгоград, 2015. — Вып. 5. — С. 66-108.

² Воевода И.К. Карамышев прибыл в этом году на Дон с ратными людьми, сопровождая к Азову русское посольство в Турцию А.П. Совина и дьяка М. Алфимова. Эксцесс произошел в донском войсковом кругу.

³ Куц О.Ю. Московско-донские отношения 1631-1632 гг. и приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова // Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. — М., 2016. — С. 252-259.

⁴ См.: Богоявленский С.К. Московский приказный аппарат и делопроизводство XVI-XVII веков. — М., 2006. — С. 88, 121, 145, 182, 183.

Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV-XVII вв. — М., 1975. — С. 142-143.

⁵ Кратко о составе и разновидностях «донских дел» см.: Куц О.Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637-1667). — СПб., 2009. — С. 38-40.

⁶ Войсковая отписка от 28 мая 1632 г., которая была вручена казаками И. А. Дашкову и подьячему Л. Полуехтову при их отбытии с Дона, сохранилась с очень большими утратами текста и, насколько можно судить, в основном повторяет текст войсковой отписки от 26 мая 1632 г. См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 468-478.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 310-316.

Данная крестоцеловальная запись опубликована:

Акты Московского государства. — СПб., 1890. — Т. 1. — С. 434-435 (список из другого дела).

Служба донских казаков, XVII век // Материалы по истории и генеалогии казачества. — Волгоград, 2015. — Вып. 5. — С. 85-86.

В рассматриваемом деле после текста «записи» имеется помета, что «чорная целовальная запись», которую правил («чернил») в присутствии царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета думный дьяк Посольского приказа Ф. Лихачев, была затем передана в данное учреждение. (Л. 317.)

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 311-314.

⁹ Вместе с этими атаманами с Дона были отправлены также два донских казака, однако они, по словам Б. Конинского и Т. Яковлева, отстали по пути в Москву, так как «под ними лошади были худы». См.: Там же. Л. 205.

¹⁰ Там же. Л. 192-196.

¹¹ Там же. Л. 197.

¹² Там же. Л. 248.

¹³ Там же. Л. 197-199.

¹⁴ Там же. Л. 200-202.

Надо также отметить, что на Дону незадолго до убийства воеводы скончался «лутчей» донской атаман Епифан Радилов, старавшийся в своей политике ориентироваться на Москву. См.: Служба донских казаков, XVII век // Материалы по истории и генеалогии казачества. — Волгоград, 2015. — Вып. 5. — С. 58.

РГАДА. Ф. 89 (Сношения России с Турцией). 1630 г., № 5. Л. 136-137.

¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 203-204.

¹⁶ См.: Куц О.Ю. Донское казачество времени Азовской эпопеи и 40-х гг. XVII в.: политическая и военная история. — М., 2014. — С. 85.

¹⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 204-205.

¹⁸ Там же. Л. 206-207.

¹⁹ Там же. Л. 208.

Последние слова атаманов Б. Конинского и Т. Яковлева в помете переданы в прямой речи: «...крест целовати, чаем, станут – только была б к ним (атаманам и казакам. – О. К.) государская милость».

²⁰ Там же. Л. 216-217, 221, 222, 237, 251.

²¹ Там же. Л. 219-220, 229-230.

²² См.: Там же. Л. 337, 338, 341, 355, 459 и др.

²³ Там же. Л. 374, 376-377. «Ыматье добычи» – иманье, захват добычи.

²⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 31. Л. 259.

Остров Монастырский – пойменный остров на правом берегу Дона. См., в частности: Королев В.Н. Донские казачьи городки. — Новочеркасск, 2011. — С. 133 и далее.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. Л. 370, 461-463.

²⁶ Впрочем, детей от некрещенных «бусурманок» казаки, по-видимому, крестили, как это видно на основании подобного дошедшего до нас примера.

См.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 54. Л. 259-260, 264.

²⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 463, 465.

²⁸ Полный текст войсковой отписки от конца мая 1632 г. см.:

Сборник областного Войска Донского статистического комитета. — Новочеркасск, 1915. — Вып. 13. — С. 160-166.

Служба донских казаков, XVII век // Материалы по истории и генеалогии казачества. — Волгоград, 2015. — Вып. 5. — С. 94-96.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 465.

³⁰ Там же. Л. 464, 465, 509.

³¹ Там же. Л. 328-329.

³² См: Там же. Л. 257, 259, 322, 324, 327.

³³ Как уже сказано, определенную роль в данном отношении сыграла, несомненно, и приближающаяся война с Речью Посполитой. См.: Донские дела. — СПб., 1898. — Кн. 1. Стб. 337-340, 342-343.

Московско-донские отношения 1631-1632 гг. и приказное ведомство боярина С. В. Головина и дьяка М. Данилова // Грани русского Средневековья. Сб. статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексеева. — М., 2016. — С. 257-258.

³⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 398, 400.

³⁵ Там же. Л. 412, 412 об.

³⁶ Там же. Л. 443-444.

Этот укор звучит так: «И только б вы наше государское повеленье исполнили, крест нам, великому государю, поцеловали, и то б учинилось весно великому государю турецкому Мурат-салтанову величеству, да в ьных бы государствах то было ведомо, что вы, донские атаманы и казаки, нам, великому государю, учинились во всем послушны и крест нам целовали».

³⁷ Там же. Л. 450.

³⁸ Загоровский В.П. Донское казачество и размеры донских отпусков в XVII веке // Из истории Воронежского края. — Воронеж, 1961. — С. 142.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 39. Л. 466, 511.